Савинов В.

Из журнала "Пантеон", т.I, кн. 2,
Санкт-Петербург, 1850.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абхазовъ.)

—

Признаки бывшаго христіанства.—Церкви, монастыри.—Ихъ развалины.—Преданія о нихъ и повѣсти туземцовъ.—Скала грома.—Ирмъ-фазисъ.—Скала, подземный ходъ, остатки монастыря, кельи, главная церковь.—Догадки, подтверждаемыя многими доказательствами.—Крестъ на перепутьи.—Абазехи приморскіе и нагорные.—Нхъ отличіе.—Языкъ.—Наружность мужчинъ и женщинъ.—Женщины.—Домашняя жизнь Абазеха.—Страсть къ оружію и къ конямъ.—Конскіе заводы.—Пять правилъ жизни.—Конь Ширарь-Нурысета.—Месть.—Позорный аулъ.

—

Существованіе встарину христіанской религіи въ Абазіи несомнѣнно и подтверждается многими очевидными доказательствами. Кромѣ нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ, обрядовъ и праздниковъ, встрѣчаемыхъ, въ настоящее время, въ религіи Абазеховъ, множество развалинъ христіанскихъ церквей и монастырей, разсѣянныхъ по всему краю, служатъ опорою этой справедливой мысли.

Развалины двухъ церквей греческой постройки, находящихся: одна при истокѣ рѣки Большаго Зеленчука, а другая близъ урочища Улу-Эльта и множество надгробныхъ камней, имѣющихъ видъ креста, съ греческими надписями, давно извѣстны Русскимъ и не однаж дыыли замѣчаемы въ запискахъ и разсказахъ о Кавказѣ.

Во время трехъ-недѣльнаго скитальчества моего въ горахъ Абазіи, когда я бѣжалъ изъ плѣна, мнѣ случилось встрѣтить нѣсколько чудесно сохранившихся храмовъ, о которыхъ свѣдѣнія я собралъ послѣ, распрашивая горцевъ при сатовкѣ въ укрѣпле-

ніяхъ, и особенно въ этомъ случаѣ много былъ одолженъ одному старому Абазеху, встрѣченному много въ укрѣпленіи Псизопѣ, который всю молодость свою провелъ въ родныхъ горахъ, гдѣ каждая стежка и норка были хорошо ему знакомы.*

Скала грома.

Узмученный усталостію и истощенный голодомъ, я безпокойно провелъ одну изъ ночей мая мѣсяца въ оврагѣ самшитовой рощи, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ позади аула *Арбасылымъ.* Съ разсвѣтомъ, вскинувъ на плечо винтовку, заряженную почти послѣднимъ патрономъ, и, перебинтовавъ оставшимся лоскутомъ моей сорочки раненую ногу, я снова пустился въ томительный и безконечный путь свой, не забывая на каждомъ шагу осматривать каждый кустъ и дерево, съ которыхъ не однажды случалось мнѣ мѣткимъ выстрѣломъ добывать себѣ обѣдъ и завтракъ. Но, на этотъ разъ, кромѣ обычныхъ листьевъ и сучьевъ, къ немалому огорченію моего бѣднаго желудка, глазъ не встрѣчалъ на деревьяхъ ни одного птичьяго пера. Цѣлый часъ прошелъ въ безплодныхъ поискахъ и силы видимо начали оставлять меня. Полный отчаянія и досады, я готовъ былъ снова расположится на невольный отдыхъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ кустахъ, поросшихъ на противуположной сторонѣ болотистаго оврага, чирикнула *иримъ-фазисъ* ** и взмахнувъ пестрымъ крыломъ, быстро запрыгала въ вершины одного дерева на другое. Появленіе въ эту минуту иримъ-фазиса было для меня дороже жемчужины, которую проглотилъ Езопъ; при видѣ ея я громко вскрикнулъ отъ радости и, забывъ усталость, какъ только позволяли силы и истерзанныя ноги, перебѣжалъ оврагъ и пустился быстрымъ бѣгомъ преслѣдовать безпечную прыгунью. Болѣе двадцати разъ, дрожа отъ ожиданія и нетерпѣнія, я наводилъ стволъ винтовки, готовъ былъ спустить курокъ, и каждый разъ птичка, съ новымъ, досаднымъ чириканьемъ, убѣгала съ

* У многихъ офицеровъ 1 Отдѣленія черноморской береговой линіи въ памяти разсказы объ этихъ храмахъ штабсъ-капитана 13-го черноморскаго баталіона Новоселова, бывшаго также въ плѣну у Абазеховъ и убитаго 1842 года въ Натухайскую экспедицію, въ дѣлѣ на хребтѣ Семсхта. Прекрасные и богатые многими важными свѣдѣніями записки Новоселова, я имѣлъ несчастіе утратить въ экспедицію 1844 года, при переходѣ черезъ Сулакъ, и только одинъ любопытный разсказъ его остался въ тетрадкѣ моихъ воспоминаній.

** Иримъ-фазисъ—порода фазановъ, исключительно водящихся въ горной Абазіи. Величина ея немного болѣе голубя. Мясо очень вкусно.

моего прицѣла.... Положеніе мое тогда я могъ сравнить съ положеніемъ марсельскаго охотника, съ тою только разницею, что моя вкусная кукушка, вмѣсто обѣтованнаго Рима, предательскимогла бы довести меня до какого нибудь горскаго аула—и слѣдовательно, прямо на-цѣпь и опять въ яму.... Но, двухъ-дневный голодъ и досада на неудачное преслѣдованіе, заглушали тогда во мнѣ голосъ осторожности, котораго логика, разумѣется, тогда для меня была ничто передъ доводами пустаго и воющаго желудка. Вотъ, уже заредѣлъ и лѣсъ, за послѣднею опушкою котораго мелькнула зеленая поляна, а мой завтракъ, порхая то надъ моею головою, то, наконецъ, у самаго носа — вился и крутился тысячью зигзаговъ, и съ каждымъ полетомъ своимъ оставлялъ за собою чащу рощи... Крупныя капли горячаго пота выступили на лбу моемъ, когда, едва переводя дыханіе, я выбѣжалъ на пространную поляну за моимъ мучителемъ. Здѣсь минута была рѣшительная: иримъ-фазисъ поднялся на полъ-винтовочнаго выстрѣла, и расправивъ остроконечныя крылья, казалось, готовъ былъ снова повернуть на рощу.... Я рѣшился рискнуть зарядомъ—приложился и, затаивъ дыханіе, брякнулъ куркомъ.... Трель выстрѣла разсыпалась въ ущельяхъ скалъ, эхо рощи громко повторило ее — и раненый иримъ-фазисъ, описавъ крутую параболу, упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня — въ какую-то квадратную яму, обсыпанную по сторонамъ осколками гранита и мрамора. Бросивъ винтовку, я упалъ въ изнеможеніи на землю.... Походъ мой былъ конченъ, теперь я могъ отдохнуть — и зубами отмстить моему падшему мучителю.... Во время отдыха я осмотрѣлъ мѣстность: картина ея была пустынна и дика. Узкая, но длинная поляна, казалось, сливавшаяся, въ своей перспективѣ съ эмалью горизонта, отдѣляла густую рощу самшита отъ сплошной массы холмовъ, поросшихъ на скатахъ и вершинахъ яворомъ и кипарисомъ. У подножія этихъ холмовъ вились лозы дикаго винограда, а кое-гдѣ стояли одинокія яблони. Вправо, на выходъ къ ущелью, которое кажется указывало дорогу къ ауламъ, раскинутымъ по чернѣвшимъ въ дали утесамъ, выдвигалась на поляну известковая скала, одѣтая кремневою бронею. Видъ этой скалы поразилъ меня своею необыкновенною формою, казалось: фигура ея была совершенно квадратна, какъ правильный кубическій ящикъ. Высоту ея можно было опредѣлить въ 150 футовъ. Лицевая стѣна ея, будучи совершенно перпендикулярна къ землѣ и испещренная множествомъ трещинъ и маленькихъ окошечекъ, расположенныхъ въ четыре правильные яруса, имѣла подобіе лицевой стороны замка. Не было никакаго сомнѣнія, что въ скалѣ изсѣчена

или крѣпость, или древній христіанскій монастырь. При этомъ разсказы покойнаго Новоселова невольно пришли мнѣ на память, и я тотчасъ же вспомнилъ его описаніе христіанскаго монастыря съ подземнымъ ходомъ, встрѣченнаго имъ въ Горной Абазіи... Такъ точно, подумалъ я, это тотъ самый монастырь, о которомъ говорилъ Новоселовъ; вонъ и обломокъ креста, разрушеннаго временемъ, обрисовавшійся на восточной сторонѣ скалы, и о которомъ также упоминалъ штабсъ-капитанъ.

Не теряя болѣе времени, и забывъ на этотъ разъ свою усталость, — я рѣшился, утоливъ голодъ подстрѣленнымъ ирнмъ фазисомъ, отыскать подземный входъ въ монастырь и осмотрѣть его по мѣрѣ возможности. Случай благопріятствовалъ. Ирнмъ фазисъ упалъ именно въ углубленіе на разрушенную лѣстницу, спускавшуюся въ подземный ходъ. По всѣмъ соображеніямъ, должно полагать, что на этомъ мѣстѣ, вѣроятно, была часовня, которая заключала въ себѣ входъ въ монастырь и выходъ изъ него, что подтверждалось тутъ же разбросанными осколками горнаго гранита и мрамора.

При помощи тряпки, натертой мякотью остававшагося у меня пороха въ неполномъ патронѣ, и положенной на полку курка, я добылъ огня и, сообщивъ его сухимъ и тонкимъ сучьямъ виноградныхъ лозъ, развелъ порядочное пламя, на которомъ поджарилъ кое-какъ тучнаго, сочнаго ирнмъ фазиса, и такъ тщательно обгладалъ его до послѣдней косточки, что это сдѣлало бы честь всякой голодной шакалкѣ.

Сытый и довольный своимъ благополучіемъ — я, какъ странствующей англійскій туристъ по египетскимъ катакомбамъ, съ опасностію сломить себѣ шею, сталъ спускаться въ подземелье по вѣтхой, гранитной лѣстницѣ, усыпанной глыбами земли и поросшей слизкимъ мхомъ. Коррндоръ подземелья былъ довольно изрядной величины и шириною по крайней мѣрѣ въ три съ половиною аршина, что, впрочемъ, я не могъ опредѣлить съ точностію, хотя и старался вымѣрять его шагами; но непроницаемая тьма и опасеніе набрести на пору шакалки, часто заставляли меня дѣлать очень неестественный и невѣрный шагъ. Замѣтно было, что полъ коррндора, теперь засыпанный землею, пескомъ и каменьями,—когда-то былъ выстланъ плитою. Чѣмъ дальше я подвигался впередъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся, что путь мой идетъ въ гору, и наконецъ на встрѣчу мнѣ ясно блеснулъ лучь солнца, въ отверстіе входа, у котораго я долженъ былъ преодолѣть препятствіе, почти не по моимъ силамъ. Входъ заваленъ былъ огромнымъ камнемъ, вѣроятно, обрушившимся отъ свода

дверей. Отверстіе, оставленное имъ, было такъ узко и мало, что не представляло мнѣ никакой возможности пройти, или проползти въ него, надо было необходимо отвалить камень. Чтобы не воротиться назадъ безъ всякаго успѣха, я рѣшился преодолѣть преграду и побывать въ монастырѣ, тѣмъ болѣе, что въ наступившей полдень, во всякомъ случаѣ, по причинѣ нестерпимаго зноя и опасенія быть замѣченнымъ, я непремѣнно долженъ былъ провести гдѣ нибудь время до вечера, а оставаться въ коридорѣ не было никакой возможности отъ сыраго и удушливаго воздуха. Послѣ долгихъ и неимовѣрныхъ усилій, мнѣ удалось сдвинуть камень и повалять его въ углубленіе входа. Преодолѣвъ это препятствіе, я вышелъ на мраморную площадку длиною въ 10 и шириною съ 6 шаговъ, освѣщаемую четырьмя окнами, высѣченными на высотѣ сажени отъ основанія. По обѣимъ сторонамъ площадки начинались двѣ узенькія лѣстницы, ведущія вверхъ и освѣщаемыя такъ же небольшими окнами. Я рѣшился подняться налѣво, тѣмъ болѣе, что на этой сторонѣ нѣсколько сохранившихся ступеней болѣе представляли удобства ко всходу. Здѣсь, чрезъ каждые шесть ступень выдавались на лѣстницу крошечныя площадки, величиною неболѣе квадратнаго полуаршина — служившія ступенью ко входу въ отдѣльные, угловатые комнатки со сводами. Въ каждой изъ этихъ келій я встрѣчалъ грубо изсѣченные изъ камня или мрамора лавки, имѣющія форму постели съ изголовьемъ. Въ иныхъ изъ этихъ келій мнѣ попадались желѣзныя кольцы, дутыя мѣдныя бусы, и во всѣхъ почти остатки истлѣвшихъ человѣческихъ череповъ и костей..... не имѣя возможности подняться выше втораго яруса, по причинѣ совершенно разрушенной лѣстницы, заваленной осколками камней, извести и кремней, я повернулъ направо и ползкомъ пробравшись по узкой, каждую минуту готовой рухнуть терассѣ — вышелъ въ пространную и свѣтлую комнату, также имѣвшую видъ треугольника. При тщательномъ ея осмотрѣ я ничего не нашелъ въ ней замѣчательнаго, и только могъ обратить вниманіе на то, что она когда-то по сторонамъ была обнесена перилами, а на срединѣ имѣла видъ амвона или каѳедры. Изъ этой комнаты я перешелъ въ другую — и здѣсь встрѣтилъ очень много любопытнаго. Комната, или лучше сказать церковь, имѣла видъ огромнаго и правильнаго четыре-угольника, съ высокими и легкими сводами, которые были поддерживаемы двумя рядами колоннъ. На каждой сторонѣ ихъ было по 14,—поставленная одна отъ другой не болѣе, какъ на шагъ. Многія изъ нихъ совершенно обрушились. Стѣны церкви, когда-то украшенныя образами работы альфреск,а

теперь испещрены только разноцвѣтными пятнами — остатками живописи, быть можетъ прекрасной и достойной удивленія. Въ углубленіи церкви, проходя между колоннъ, шесть ступеней, изсѣченныхъ полуциркулемъ, ведутъ на возвышеніе, служащее основаніемъ глубокой полукруглой амбразурѣ. Вверху ея изображенъ крестъ съ греческою надписью. Крестъ и надпись прекрасно сохранились. Отъ креста до самого основанія амбразуры висятъ лоскутья парусины. Два изъ такихъ лоскутковъ довольно хорошо уцѣлѣли, и если ихъ сложить вмѣстѣ, то можно ясно разсмотрѣть изображенную колесницу, которую мчатъ въ облакахъ кони....

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обитель сія была изсѣчена во имя Святаго Пророка Иліи. Множество фактическихъ доказательствъ подтверждаютъ эту мысль. Остатки запрестольнаго образа, — названіе отъ туземцевъ *Громовой Скалы*, торжество, или лучше сказать, праздникъ, который совершается здѣсь абазехами въ послѣдней половинѣ іюля * мѣсяца, — и наконецъ ихъ обрядъ, совершаемый у входа въ подземелье, съ молитвою о дождѣ богу Шиблѣ **, когда стоятъ долгіе жары.

КРЕСТЪ НА ПЕРЕПУТЬИ.

На границахъ большой Абазіи, тамъ, гдѣ главный, но впрочемъ трудный, путь сообщенія крѣпости Анапы съ Кабардою, пройдя берегомъ Лабы, круто поворачиваетъ на востокъ и выходитъ снова на Кубань, — тамъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣчки Киберды, какъ разсказываютъ Абазехи, еще и до настоящаго времени видны развалины христіанской церкви, воздвигнутой лѣтъ триста могу назадъ во имя Богоматери. Построеніе ея приписываютъ греческимъ монахамъ. Влѣво отъ нея, по предгорію, видны остатки мазанокъ, когда-то построенныхъ на манеръ европейскихъ домиковъ, со всѣми удобствами для осѣдлой жизни.... Это маленькое селеніе, какъ должно полагать, въ то время составляло колонію миссіи или проповѣдниковъ, откуда, съ наступленіемъ удобнаго сообщенія въ горахъ — вѣстники Слова Божія отправлялись въ свое благочестивое странствованіе. Долгое время, едва-ли не два столѣтія, — селеніе проповѣдниковъ цвѣло обиліемъ и довольствомъ, а храмъ богатѣлъ и украшался отъ добровольныхъ приношеній горскихъ путниковъ, стоя въ центрѣ между племенами закубанскихъ черкесовъ, кабардинцевъ и абазе-

* Извѣстно, что мы въ это же время празднуемъ день Св. Иліи.

** Богъ Грома.

ховъ. — Въ послѣдствіе времени, вспыхнувшая вражда между этими сосѣдями была причиною того, что въ одинъ изъ набѣговъ буйныхъ кабардинцевъ огонь и мечъ истребили мирный кровъ проповѣдниковъ и самый храмъ, — оставивъ только одни камни безмолвными свидѣтелями былаго.... Но уваженіе къ святому мѣсту не изгладилось ни въ памяти, ни въ обычаяхъ трехъ сосѣднихъ племевъ, и крестъ, поставленный здѣсь армянскимъ процовѣдникомъ — сталъ предметомъ великаго уваженія къ святости мѣста и воспоминаній въ глазахъ горцевъ.... Теперь каждый проѣзжій черкесъ, кабардинецъ или абазехъ, — желая счастливо кончить предпринятый путь, хотя бы и пробирался горными тропинками, но всегда верстъ за пять или за десять сворачиваетъ къ развалинамъ храма и у подножія креста, помолясь Богоматери, оставляетъ какую-нибудь жертву, заключающуюся въ небольшой суммѣ денегъ или запасѣ проса и чурека — которые назначаются для бѣдныхъ, неимущихъ странниковъ *. Уваженіе къ святости мѣста и изображенію символа христіанской религіи, какъ говорятъ Абазехи, такъ велико, что при всей страсти ихъ соплеменниковъ къ грабежу, разбоямъ и убійству, здѣсь въ продолженіе, можетъ-быть, нѣсколькихъ столѣтій не было пролито и капли крови. Путникъ, возвращаясь съ сатовки, если рѣшается провести ночь у креста, спитъ спокойно подъ своею буркою, не боясь горскихъ хищниковъ, твердо увѣренный, что каждый абазъ, вырученный на сатовкѣ, будетъ цѣлъ въ его карманѣ.... Если даже кровомстители ** встрѣчаются здѣсь и если они вмѣстѣ преклонили колѣно предъ крестомъ на перепутьи и вмѣстѣ цѣловали его подножіе, то они разстаются друзьями. Кстати должно замѣтить, что горцы легко могли бы быть добрыми христіанами. Водвореніе же между ними православія, по видимому, очень сбыточно, тѣмъ болѣе, что они во многомъ къ этому уже подготовлены. А исповѣданіе корана въ настоящее время такъ слабо, такъ безтолково и темно между абазехами ***, что легко можетъ быть ими забыто.... Все сказанное нами еще доказывается и тѣмъ, что религія абазеховъ представляетъ удивительную смѣсь магомеданства съ христіанствомъ, и преимущество послѣдняго

* Замѣтимъ кстати, что милостыня и всегдашняя готовность облегчить нужду странника, едва-ли не есть общая и главная добродѣтель всѣхъ горцевъ Кавказа.

** Баранта. Смотри обычаи.

*** Смотр. Взглядъ на религію и турецкихъ проповѣдниковъ.

предъ первымъ рѣзко выказывается въ празднествахъ народа и нѣкоторыхъ его религіозныхъ обычаяхъ.

—

Нравы, обычаи, характеръ, обликъ, обряды, одежда, жизнь и самыя понятія о жизни рѣшительно одни и тѣ же, какъ у абазеховъ, населившихъ горы, такъ и у населившихъ приморье; послѣдніе отъ первыхъ имѣютъ самое ничтожное, едва замѣтное для наблюдателя, отличіе: все дѣло въ томъ, что они нѣсколько образованы (если можно только такъ выразиться), и знакомы съ жизнію, языкомъ и манерами европейцевъ. Часто сближаясь съ русскими на сатовкахъ * и турками по контрабандѣ, приморскіе абазехи невольно смягчили свою одичалость и вмѣсто звѣринаго жиру стали жечь въ своей саклѣ свѣчу — и только! Однако это такъ можетъ казаться при первомъ сравненіи, но чѣмъ болѣе вникаемъ въ это сравненіе, чѣмъ болѣе наблюдаемъ характеръ горца и жителя прибережья—тѣмъ разительнѣе выказывается ихъ разность.... Приморскій абазехъ скрытенъ, увертливъ, часто прибѣгаетъ къ уловкамъ, умѣетъ польстить и, много разъ уже наказанный за свои промахи, онъ остороженъ, какъ не однажды пораненный тигръ, и даже трусоватъ. Напротивъ того, горный Абазехъ — честенъ, прямъ, откровененъ до глупости и, испытанный въ безпрестанной враждѣ съ буйными сосѣдями, чеченцами, черкесами и кабардинцами — онъ всегда смѣлъ, любитъ опасности, для которыхъ родится и съ которыми умираетъ, на которыя пускается часто по нуждѣ, а чаще по природной наклонности къ удальству.

Абазехи, всѣ безъ исключенія, говорятъ однимъ языкомъ, который считается кореннымъ, хотя и сходенъ нѣсколько съ черкескимъ. Въ послѣднее время жители приморья усвоили себѣ нѣсколько словъ русскихъ, разумѣется, исказивъ ихъ, и множество турецкихъ... ** Наружность абазеховъ, какъ вообще наружность горцевъ Кавказа — пріятна, даже интересна: они смуглы, худощавы, черноволосы, выраженіе лицъ ихъ всегда умное, смѣлое, и бодрое... Глаза живые, быстрые, огневые, въ минуту гнѣва получаютъ какой-то необыкновенный блескъ — при страшной блѣдности, даже синеватости лица, часто обезображеннаго

* Сатовка—мѣновая торговля отъ слова *Сатуй (мѣняю)*.

** Самъ по себѣ, собственно языкъ абазеховъ красивъ, легокъ и чрезвычайно близко подходитъ въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи къ персидскому... Въ его звукахъ рѣдко слышится та грубость и рѣзкость, которыя встрѣчаются въ языкахъ татарскомъ и турецкомъ, какъ близкихъ къ языку всѣхъ горскихъ нарѣчій.

вспышкою страсти. Женщины Абазін прекрасны, въ полномъ смыслѣ этого слова: онн рослы, стройны — до очарованія, не смотря на то, что грудь и талья дѣвъ Абазін не зашиваются въ овечью шкуру, какъ дѣлаютъ то другіе племена Кавказа *. При необыкновенной бѣлизнѣ и нѣжной, розовой прозрачности тѣла, природа подарила ихъ кудрями, черными, какъ осенняя ночь Абазін.... Взглядъ ихъ черныхъ очей, опушенныхъ длинными иглами рѣсницъ, такая молнія, отъ которой ни одинъ еще горскій Франклинъ не изобрѣлъ отвода. Турки, скупая горскихъ красавицъ — предпочитаютъ всѣмъ другимъ абазинокъ....

Рано разцвѣтаютъ дѣвы Абазін, рано и вянутъ онѣ: въ 13 и 14 лѣтъ полная пора ихъ разцвѣта, это періодъ ихъ замужества — это пора всѣхъ наслажденій, мечты и жизни! Въ 20, онѣ вянутъ; а въ 22 и 25 — сквозь темную ночь косы ихъ пробивается уже рѣденькій свѣтъ.... и тогда блескъ и огонь глазъ ихъ вспыхиваетъ только, въ первую минуту, при взглядѣ на подарки мужа, добытые въ набѣздѣ; тогда онѣ бросаютъ свою лютню, свою огневую лезгинку, забавляются пересудами, да дракою нагихъ ребятишекъ — дракою своего потомства, дѣлаясь съ каждымъ днемъ сварливыми до крайности, несносными до нельзя....

Женщина, по понятіямъ абазеха, — только старшее животное въ домѣ — не больше, но объ ней онъ безпокоится менѣе чѣмъ объ лошади и немного болѣе, чѣмъ о собакѣ. Грустно видѣть, въ какомъ отвратительномъ рабствѣ пресмыкаются женщины въ горахъ Абазін! Весь тяжкій и всякій грязный трудъ домашней жизни исполняютъ въ горахъ женщины.... Мужъ знаетъ только винтовку, шашку и кинжалъ — жена все остальное.... Если даже потечетъ кровля жалкой сакли, то наѣздникъ скорѣй сгинетъ подъ дождемъ, чѣмъ рѣшится запачкать руки въ грязи и глинѣ, чтобы замазать дыру кровли: — такъ онъ мало безпокоится о своемъ кровѣ и обо всемъ, что кругомъ его, будучи увѣренъ, что жена все приберетъ, все сдѣлаетъ; мало этого, горецъ считаетъ за грѣхъ и позоръ — облегчить трудъ жены.... По его понятію, преступленіе — взяться одною и тою же рукою за кинжалъ и за тряпку.... Домашняя жизнь горца выказывается вся зимою;

* У многихъ горскихъ племенъ, въ особенности у кабардинцевъ, есть обычай грудь и талью дѣвушки на 6 году возраста зашивать въ овечью кожу, которая не снимается до перваго дня брака... Тогда молодой супругъ, оставаясь глазъ на глазъ съ женою, распарываетъ этотъ импровизированный корсетъ кинжаломъ.

лѣтомъ онъ гость дома, въ распутицу — другое дѣло. Съ января въ горахъ начинается зима и продолжается до марта. Зима — не наша морозная, съ вьюгами и снѣгомъ.... Впрочемъ, въ тысячу разъ хуже самой злой зимы.... Это осень, со всѣми преувеличеніями, съ безпрестанными дождями, пасмурнымъ небомъ и грязью, которая страшными потоками бѣжитъ съ горъ, совершенно прекращая въ нихъ сообщеніе. Тогда горецъ, вѣчно босой и едва-ли не голый, какъ сынъ природы, закупоривается въ свою ветхую кокону — саклю и въ ней, изнывая въ тоскѣ и бездѣйствіи, начинается жизнь семьянина.... Въ эти два мѣсяца абазехъ проживаетъ два томительныя вѣка.... Онъ чахнетъ и груститъ по наѣзднической жизни, грустенъ, какъ узникъ на чужбинѣ, потому-что воздухъ родной сакли для него не воздухъ .. Лишенный обычнаго развлеченія, онъ прибѣгаетъ ко всему, чтобы только скоротать грустное время... Безъ счету смажетъ онъ свой кинжалъ саломъ и развинтитъ винтовку, желая отыскать на ней хоть крапинку ржавщины, которая заняла бы его вѣрно на цѣлый день; безъ счету побьетъ и приголубитъ босыхъ и голодныхъ ребятишекъ, пересыпая всѣ свои занятія бранью на непогоду и жену .. Очагъ его пылаетъ съ утра до вечера. Подбрасывать въ огонь сухой хворостъ, на которомъ варится непзмѣнная баранина, или жарится гастрономическій шашлыкъ, — вмѣстѣ съ удовольствіемъ навѣщать своего любимаго коня, составляютъ единственную усладу горца... Грустны, очень грустны осеннія, или лучше сказать, зимнія ночи Абазіи. Съ наступленіемъ ихъ усиливается горный вѣтеръ и среди страшной, непроницаемой мглы — крупный дождь кажется потоками льется на скалы, подмывая цѣлыя глыбы кремней и сбрасывая ихъ съ шумомъ на сакли и въ пропасти:... Шакалы, вѣчные жильцы трущобъ и лѣсовъ Абазіи — цѣлыми стаями сбѣгаются къ аулу и, голодные, какъ самые горцы, воютъ до разсвѣта... Въ такую ночь не спитъ горецъ. Завернувшись въ бурку, закуривъ коротенькую трубку, онъ тушитъ огонь на очагѣ и идетъ на порогъ своей сакли... Искра, сброшенная вѣтромъ съ его трубки — служитъ сигналомъ сосѣду; на эти искры сбираются горцы цѣлою толпою и коротаютъ ненастную ночь въ задушевной бесѣдѣ, да въ воспоминаніяхъ о былыхъ наѣздахъ, съ которыми неразлучны разсказы о добытыхъ коняхъ и оружіи....

Страсть къ послѣднему такъ сильна въ абазехахъ, что они часто мѣняютъ за винтовку, роскошно оправленную въ серебро — дочерей и женъ. Въ горахъ предпочитаются особенно винтовки и кинжалы работы кабардинской. — И дѣйствительно никто въ

мірѣ не дошелъ до такого совершенства въ выдѣлкѣ серебряныхъ украшеній на оружіи и поясахъ, какъ кабардинцы! Нѣжность рѣзьбы, правильность и замысловатость рисунка и искусство наводить чернь на серебрѣ — изумительны въ кабардинской работѣ. Что же касается до коней, то роскошные луга Абазіи выкармливаютъ огромные табуны этихъ вихрей... Аулы, раскинутые по предгорью, въ балкахъ горъ и долинахъ, имѣютъ нѣсколько прекрасныхъ конскихъ заводовъ, жеребцы которыхъ нисколько не уступятъ карабагскимъ въ силѣ, красотѣ и быстротѣ бѣга.... Каждый изъ этихъ заводовъ имѣетъ свое особенное тавро *.

Жеребцы подъ этими таврами считаются безъ исключенія всѣ хорошими и почти одинакого достоинства, но конь подъ тавромъ Бекъ-ханъ ** и такъ называемымъ лучшимъ абазинскимъ, считается красотою абазинскихъ коней, цѣнится весьма дорого и едва-ли не даетъ владѣльцу право на уваженіе одноаульцевъ.

Въ жизни абазеха пять правилъ: гордись оружіемъ, запасайся добрымъ конемъ, не разряжай даромъ винтовки, мсти за обиду и береги гостя—какъ честь. Мы уже сказали нѣсколько словъ о страсти абазеховъ къ оружію, и по истинѣ страсть эта занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ желаніяхъ горца, готоваго за дагестанскій кинжалъ или ловкую трапезондскую винтовку измѣнить клятвѣ, продать родное дѣтище — и даже раскроитъ черепъ родному брату. Босой, оборванный до нельзя, прикрытый одними сальными лохмотьями, въ которыхъ ни одинъ опытный костюмеръ не узнаетъ черкесски или чухи, горецъ, если только перетянутъ, хотя бы и по голой шкурѣ, серебрянымъ кушакомъ кабардинской работы, если владѣетъ богатымъ кинжаломъ и если насѣчка его винтовки пестра, какъ совѣсть горскаго муллы, то ему вездѣ почетъ и уваженіе. За то ужъ никто лучше его не съумѣетъ такъ приберечь свое сокровище... на его стали нѣтъ мѣста ржавчинѣ, на его винтовкѣ нѣтъ царапинки; скорѣе онъ подставитъ шею подъ шашку врага, чѣмъ дорогой стволъ своей винтовки! Абазехъ вѣчный бродяга горъ, особенно абазехъ наѣздникъ, можно сказать — вѣчный отверженецъ въ обществѣ людей, вѣчный врагъ своихъ и чужихъ, любящій отвагу и молодечество, не проживетъ безъ коня и полусутокъ... Конь,—это все для абазеха: родина, другъ, другъ неподкупный и не продажный, это предметъ его всѣхъ думъ, всѣхъ заботъ, это предметъ его страстн... Владѣть хорошимъ конемъ и красоваться имъ на праздничныхъ играхъ, да

* Тавро — знакъ выставляемый на ляжкѣ лошади.

** Это же тавро и черкесское.

обгонять соперниковъ и съ громкимъ хохотомъ стегать въ эти минуты своею плетью плохихъ скакуновъ, принадлежащихъ товарищамъ, — вотъ мечты, которыя кипятятъ кровь въ жилахъ горца, при взглядѣ на вихря— коня. Конь, который обгонитъ вѣтеръ въ полѣ, да винтовка, не дающая промаховъ—это рай абазеха, на который онъ готовъ промѣнять рай Магомета, Фатиму и всѣ поцѣлуи обѣщанныхъ гурій! — Вотъ за какую цѣну купилъ себѣ коня извѣстный абазинскій разбойникъ Ширяръ-Нурысетъ, прославившій наѣздами и удалью свое имя въ семисотыхъ годахъ:

Ширяръ Нурысетъ былъ родомъ кабардинецъ. Еще при жизни отца своего, всѣми уважаемаго кабардинскаго князя, онъ оставилъ родину и бѣжалъ въ Абазію отъ преслѣдованій семьи Трама, у которой онъ отнялъ красу кабардинскихъ витязей, князя Бекъ-Рыну, зарѣзавъ его на охотѣ *. Удалью, молодечествомъ, ловкостію и красотою, Ширяръ - Нурысетъ скоро снискалъ расположеніе абазеховъ, особенно сѣдыхъ наѣзднивовъ, которымъ выходки Ширара — напоминали ихъ молодость; — молодежъ, правда, не такъ-то любила выходца, отбивавшаго у нихъ красавицъ и славу, но не любя, уважала его изъ опасенія нажить въ немъ врага, отчаяннаго, дерзкаго, а слѣдовательно и опаснаго.... Четыре года аулы Айсырь, Быхъ, Нохогъ и и Урысы, водимые въ наѣзды Ширамомъ, торжествовали постоянную удачу.... Сила, хитрость и удаль враговъ были ничто передъ хитростію и удалью выходца.... Абазехи вездѣ шли смѣло съ Ширамомъ и никогда не возвращались къ родному очагу съ пустыми руками, или на легкѣ, да рысью, — уходя отъ мстительнаго кинжала обиженныхъ сосѣдей.... На джигитовкахъ и играхъ Ширяръ былъ всегда первымъ.... Его мѣткій выстрѣлъ, рьяный, горячій бѣгъ его коня, вызывали громкій восторгъ зрителей.... Старики молодѣли, любуясь удалью кабардинца; джигиты, завидуя успѣхамъ выходца, отъ чистаго сердца желали ему и съ конемъ провалиться сквозь землю.... а красавицы!... О, сколько тысячъ пламенныхъ взглядовъ и тайныхъ улыбокъ красавицъ Ширяръ могъ бы назвать своими.... Взглядъ и улыбка абазинки обольстительны.... И вѣчно безпечный Ширяръ-Нурысетъ не могъ устоять противу этой улыбки.... Онъ полюбилъ всѣмъ пыломъ бѣшеной души, азіатца — дочь славнаго старшины Ули-Игкема.... Ненаглядная Ши-

* Всякій злодѣй и преступникъ, преслѣдуемый мщеніемъ, или законами, бѣжавъ въ Абазію и давъ клятву вести себя по обычаю туземцевъ, дѣлается братомъ для каждаго, пріобрѣтая всѣ права коренныхъ жителей.

рара—Зюма, была красавица, за которую каждый витязь Абазіи отдалъ бы, не задумавшись, коня, шашку и даже голову. Какъ же было не бросить Ширару за сладкую улыбку и горячій поцѣлуй Зюмы нѣсколько часовъ своей буйной свободы? Какъ было ему, пылкому, горячему, огневому Ширару не полюбить лучшаго цвѣтка Абазіи? — Онъ уже отослалъ калымъ къ Ули-Игкему, день свадьбы приближался. Оставалось только удальцу-жениху, по обычаю горцевъ, купить жену послѣдвею цѣною, какимъ-нибудь подвигомъ въ набѣздѣ.

.... Веселою толпою возвращались абазехи изъ удачнаго набѣзда, обремененные дорогою добычей и плѣнными, гоня предъ собою цѣлые табуны вихрей-коней, цѣлые атары барановъ.... Одинъ только виновникъ набѣзда и удачи, Ширауъ-Нурысетъ былъ угрюмъ и печаленъ.... онъ не напѣвалъ любимой пѣсни джигитовъ: «*ай уль лилькемъ нурырла*», въ которой они воспѣваютъ свои и отцевъ своихъ подвиги, онъ не гарцевалъ на своемъ конѣ, не потѣшалъ толпу мѣткимъ выстрѣломъ.... Печальный и холодный ко всѣмъ забавамъ веселыхъ товарищей, онъ далеко отсталъ отъ нихъ. Бросивъ поводья на холку сѣдла и печально опустивъ на грудь голову, да изрѣдка поглядывая на прекраснаго коня князя Астанъ-Оглы, Ширауъ, казалось, не замѣчалъ, что уже вдали открылся прекрасный ландшафтъ роднаго аула, что цѣлые толпы женщинъ и старыхъ джигитовъ съ радостнымъ воплемъ бѣгутъ на встрѣчу его набѣзникамъ. Веселый, безпечный, онъ вдругъ измѣнился послѣ отчаяннаго набѣзда на закубанскія аулы черкесовъ.... Что же отуманило глаза Ширара?... Что черною думой легло на горячее сердце кабардинца?... Зависть.... зависть, какъ змѣя обвила это сердце, глубоко впустивъ въ него свое жало.... Въ послѣднюю минуту рѣшительнаго боя князь Астанъ-Оглы въ его глазахъ срѣзалъ шашкою натухайскаго набѣзника и завладѣлъ его конемъ.... конемъ, котораго не оцѣнить, кровнымъ карабахцемъ, крытымъ бархатомъ шемахинскимъ, а не шерстью.... Каждая жилка была видна на тѣлѣ вихря, въ каждой жилкѣ можно было высчитать по каплѣ горячую кровь.... Дрогнуло сердце Ширара, для коня онъ забылъ даже и Зюму.... Ночью, на привалахъ.... набѣзники спятъ, а Ширауъ какъ воръ, ползетъ изъ оврага до сбатованныхъ коней.... подползаетъ къ карабахцу и до зари не спускаетъ глазъ съ него.... Шапки полныя абазовъ, цѣлыя атары мягкошерстныхъ овецъ, пять дорогихъ винтовокъ и столько же коней сулилъ Ширауъ князю за дивнаго коня.... Нѣтъ.... Астанъ-Оглы на отрѣзъ отказалъ.... Зарѣзалъ бы его кабардинецъ, да

Астанъ-Оглы ему молочный братъ и такой же выходецъ, какъ онъ самъ.

За нѣсколько шаговъ до аула Ширaръ остановилъ князя. — «Стой! сказалъ онъ ему.... Послѣдній разъ прошу, уступи мнѣ коня!... Проси за него, чего хочешь.... въ кабалу къ тебѣ пойду, но продай... хоть за потъ и кровь продай»!...—Пхе!... Шайтанъ наплевалъ тебѣ въ глаза, душка, питаши (голубчикъ) Ширaръ.... Экъ тебѣ приглянулся мой конь... что съ тобой дѣлать?.. пожалуй.... Но, я дорого спрошу за него....—«Всё! всё возьми!» — Смотри же, всё!... Ширaръ... тебѣ полюбился мой конь, а я.... безъ души люблю твою Зюму....—Наѣздникъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ при словахъ молочнаго брата; послѣдній продолжалъ, выправляя винтовку, какъ бы готовясь отвѣчать Ширару пулей, если бы тотъ рѣшился наказать его за дерзость... Не будь тебя, Зюма была бы моею, говорилъ Астанъ-Оглы; послѣ тебя я первый изъ наѣздниковъ, не получу ни отъ отца, ни отъ нея отказа.... Стало быть... откажись отъ Зюмы... и конь твой. — Блѣдный, съ помутившимся взоромъ Ширaръ оставался нѣсколько мгновеній безъ всякаго движенія... Съ тяжелымъ вздохомъ обратился кабардинецъ къ родному аулу и взоръ его упалъ на знакомую саклю, у порога которой въ это мгновеніе показалась стройная абазинка, полузакрытая чадрой.... Крупная слеза повисла на черной рѣзницѣ Ширара, онъ молча сошелъ съ коня и, передавая его князю, задыхаясь прошепталъ: «Зюма твоя!...»

Съ того дня кабардинца не видали болѣе въ родномъ аулѣ, но страшные повѣсти стали разсказывать про *абрека* Ширaръ-Нурыседа, сдѣлавшагося ужасомъ Абазіи и сосѣдей. — Въ послѣдствіи, говоря объ абрекахъ вообще, мы будемъ имѣть случай говорить и объ Ширaръ-Нурыседѣ.

Такъ же дорожа зарядомъ, какъ и самою винтовкою, абазехъ рѣдко, или почти никогда не разряжаетъ ее даромъ и напрасно, особенно абазехъ-горецъ. Неискусные въ выдѣлкѣ пороха, и получа его въ три-дорога отъ приморскихъ соплеменниковъ, пріобрѣтающихъ это сокровище также не дешево отъ турецкихъ контрабандистовъ, горцы цѣнятъ патронъ, едва-ли не дороже жизни — и не для всякаго врага, и не во всякое время абазехъ подаритъ пулю, часто, съ опасностію для своей собственной шеи, замѣняя выстрѣлъ ударомъ кинжала. Разрядить даромъ винтовку для абазеха такая же ошибка и неудача, какъ для нищаго потерять послѣднюю суму свою. Вотъ почему часто въ перестрѣлкахъ и дѣлахъ съ абазехами мы удивлялись той внимательности и терпѣнію, съ которыми они не устаютъ по цѣлому получасу, осы-

пасмые градомъ пуль, держать винтовку на прицѣлѣ * и вотъ почему его пуля всегда виноватаго сыщетъ. Въ жизни не-боевой, домашней, когда горецъ коротаетъ дни свои въ кругу телятъ, дѣтей, у очага и подлѣ жены — винтовка его виситъ заряженная — часто будучи обращена дуломъ къ двери, что значитъ — винтовка заклята. Заряжая винтовку, заклинать зарядъ — это обычай горскихъ абрековъ, которые, прибивая пулю, даютъ себѣ честное слово не кинуть ее на вѣтеръ и сберечь для задушевнаго врага; но обычай этотъ едва-ли не по причинѣ, нами уже сказанной, сталъ общимъ всѣмъ горскимъ абазехамъ. Вотъ смыслъ заклинанія: «Я (имя) сынъ (такого-то, имя) съ той минуты, какъ вин-«товка моя будетъ носить смерть въ дулѣ, клянусь честью, со-«вѣстью и вѣчнымъ мщеніемъ врагамъ моимъ за обиду, не про-«сыпать безъ нужды зерна пороху, ни бросить искры съ вѣрна-«го и надежнаго кремня моего на этотъ порохъ.... не разряжу «винтовки ни на птицу, ни на звѣря, если бы отстаивалъ и жизнь «свою, ни разряжу ее на врага моего дома, на недруговъ племени «родныхъ горъ, — на кровнаго врага моего.» — Кровомстители, заклиная зарядъ, къ послѣднимъ словамъ прибавляютъ имя того, чьей жизни ищутъ, — и почти никогда не измѣняютъ ни своей клятвѣ, ни своему слову. —

Едва-ли въ цѣломъ мірѣ найдется другой народъ такъ страшно любящій вымѣнивать кровь и жизнь за обиду, какъ кавказскіе горцы вообще, и кабардинцы и абазехи въ особенности. Обидѣть горца, это значитъ взять съ него честное слово, которому онъ не измѣняетъ, не знать покоя, сна, радостей не открывать объятій роднымъ, и не разряжать винтовки, — рыская по слѣдамъ обидчика до-тѣхъ поръ, пока дерзкое слово или кровь не смоются кровью. И никто такъ не изобрѣтателенъ на мщеніе, какъ горскіе абазехи. Здѣсь разскажу для примѣра случай, которому я былъ очевидцемъ. Въ бытность мою въ аулѣ Дазарп, абазехъ Узбекъ-Саръ за нѣсколько дней до своей свадьбы, разсердившись за что-то на Байру, тоже абазеха, при цѣломъ аулѣ, на джигитовкѣ, ударилъ его нѣсколько разъ нагайкою въ лицо.... Бейра посинѣлъ отъ злобы и обиды; но обезсиленный необыкновенною яростію, не могъ даже шевельнуть рукою, которая судорожно схватилась за

* Абазехи, шапсуги, нѣкоторые изъ черкесовъ и натухайцевъ имѣютъ обыкновеніе спѣшившись во время дѣла для мѣткой стрѣльбы, носить съ собою подставовку похожую формою на букву Y, — и избравъ какой нибудь удобный пунктъ на равномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ къ ихъ огорченію ни куста ни камня, употребляютъ эту подставовку съ большимъ удобствомъ.

рукоять кинжала и замерла на немъ. Узбекъ Саръ, забывая правило соотчичей, что за личную обиду платится свинцомъ, весело поскакалъ съ кабардинцами - гостями къ саклѣ дяди, гдѣ ждалъ его коверъ циршества. Сакля эта стояла рядомъ съ тою ямою, гдѣ я былъ заключенъ, а джигитовка происходила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ косорога, на которомъ стояла сакля князя, подъ тѣнью мелкаго дуба и чинары. Долго и молча стоялъ на мѣстѣ Байра, сверкая глазами, полными крови и глухо произнося отрывистыя проклятія, посылая ихъ, быть можетъ, удалявшемуся джигиту, въ то время, какъ одноаульцы осыпали его насмѣшками.... Байра не выдержалъ: сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ такъ сильно швырнулъ одного изъ насмѣшниковъ, что тотъ, отлетѣвъ шага на два, порохнялъ на землю человѣкъ шесть весело хохотавшихъ горцевъ.... Мигомъ вспрыгнувъ на сѣдло, обиженный гикнулъ, пригнулся къ лукѣ и вихремъ помчался въ степь, по направленію къ аулу Рай-охъ-мырь, куда нѣсколько часовъ назадъ онъ возилъ калымъ по купачеству отъ Узбехъ-Сара къ его возлюбленной Шанычкени.

Въ самую полночь возвратился блѣдный и встревоженный Байра. Въ ту самую минуту спрыгнулъ онъ съ сѣдла, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей ямы, держа что-то подъ полою бурки, — какъ пиръ уже кончился и когда Узбекъ-Саръ, отяжелѣвъ отъ неосторожныхъ пріемовъ кахетинскаго, почти безъ чувствъ валялся на корняхъ чинары, прося себѣ бурку и сѣдло.... «Киньте сѣдло мнѣ подъ голову....» шепталъ Узбекъ-Саръ.... — Я бы кинулъ тебѣ его въ голову.... отвѣчалъ, подошедшій въ эту минуту Байра.... но вотъ ударъ.... онъ будетъ тяжелѣе, добавилъ съ отвратительною улыбкою горецъ, положивъ подъ голову пьянаго горца тяжелый мѣшокъ. — «Жестко.... жестко!... шепталъ Узбекъ-Саръ, ощупывая изголовье.... и вздрогнулъ.... Что это! повторилъ онъ, тряхнувъ мѣшкомъ.... И съ воплемъ страшнаго отчаянія бросился за обезображенною головою Шанычкели, которая, прыгая по кочкамъ и кремню, покатилась внизъ съ косорога.... Байра, съ громкимъ, неистовымъ хохотомъ, бросился къ коню и поскакалъ въ горы — оставивъ кабардинку у родной сакли.

Страшная, отвратительная исторія, но она какъ нельзя лучше высказываетъ все ужасное, нечеловѣческое понятіе горцевъ о чести и мщеніи.

Только ученіе Спасителя, только святое, могучее слово Божіе можетъ положить вѣрный конецъ необузданнымъ страстямъ горцевъ и сохранить сотни жертвъ, едва-ли не каждый день падающихъ подъ ударами мщенія.... Сколько прекрасныхъ витязей Аба-

зіи, сколько цѣлыхъ семействъ, пользовавшихся уваженіемъ, не только горцевъ, но даже и русскихъ, — погибло въ отвратительной барантѣ.... Безъ счету!... Цѣлые аулы, цѣлыя поколѣнія становятся ея жертвою — и часто изъ-за глупаго, ничего не значущаго слова пьянаго бродяги, или изъ за похищеннаго барана, плохая шкура котораго не стоитъ стараго ранца.

По понятіямъ горцевъ, не отмстившій обиды—поруганный трупъ, брошенный на распутьи, который позорно везти въ родной аулъ.... Не отмщенная обида, — огромная ржавчина на дорогомъ клинкѣ, которую должно закрасить кровью. Снесшій равнодушно обиду называется въ горахъ «джулметъ» (презрѣнный) и горе тому, кто не отчурается отъ прозвища!... Въ день голода, родная мать отталкиваетъ его, не раздѣливъ съ нимъ чурека, въ часъ скорби и тоски любимая жена, или дѣва, закабалившая горячее сердце, отравять это горе злою насмѣшкой, и первый комъ грязи оборванные мальчишки швырнутъ въ джулмета.

Вотъ почему горецъ не проститъ обиды и, вотъ почему, въ горахъ баранта изводитъ цѣлыя поколѣнія, которыхъ, почти всегда въ одномъ спорѣ исчезаетъ два.

Ближній-родственникъ мститъ за убитаго, а когда баранта уничтожитъ родственниковъ въ обѣихъ враждующихъ сторонахъ, рѣжутся одноаульцы.

Но и здѣсь, въ этихъ страшныхъ правилахъ горской мести, есть свои исключенія; есть случаи, при которыхъ мститель и обидчикъ, какъ братья, дѣлятъ скудный кусокъ баранины у пылающаго очага и однимъ угленъ закуриваютъ свои крошечныя трубки. Застигнутый нуждой или непогодой, врагъ смѣло можемъ просить ночлега, пріюта и гостепріимства у своего кровнаго врага, и тотъ не оттолкнетъ его за порогъ своей сакли, если только онъ успѣлъ переступить его. Скоротаетъ съ нимъ ночь, какъ съ другомъ, отдавъ свою скудную постель въ распоряженіе гостя и лучшій уголъ своего жалкаго крова. На утро хозяинъ осѣдлаетъ своего коня и проводитъ гостя на столько пути, чтобы потерять изъ виду родной аулъ.... а послѣ, минутъ чрезъ пять, заскакавъ впередъ, встрѣтитъ ночнаго кунака, со всею яростію мстителя, какъ бы встрѣтилъ его нечаянно.... Обычай гостепріимства такъ уважается въ горахъ, что неисполненіе его навлекаетъ позоръ и презрѣніе соплеменниковъ на всякаго, оно считается добродѣтелью, равною молодечеству и храбрости. Странникъ, кто бы онъ ни былъ, переступивъ порогъ сакли и сдѣлавшись гостемъ абазеха, можетъ быть увѣренъ, что ни за какія сокровища міра онъ не купитъ такого вѣрнаго стража своего спокойствія, какъ горца,

протянувшаго ему руку гостепріимства. Для гостя абазехъ отдастъ все, чтобы только заслужить его благодарность и самъ со всею семьею дѣлается его слугою, поставивъ себѣ святою обязанностію обласкать непрошеннаго и проводить его верстъ на пять и на десять впередъ, отстаивая въ пути собственною жизнію—жизнь и свободу странника.

Евреи и армяне, пользуясь прекраснымъ обычаемъ гостепріимства горцевъ, удивительнымъ въ народѣ полудикомъ, давно уже проникли внутрь Абазіи, исходивъ и искрестивъ всѣ стёшки и тропинки. Жажда абазовъ и барышей дала смѣлость этимъ всемірнымъ *безсребренникамъ*, рискнуть на торговлю съ горными абазехами, и рискнувъ, они ничего ни проиграли.... Съ наступленіемъ безпрепятственнаго сообщенія въ горахъ, еврей и армянинъ, вскинувъ на плеча ящикъ, наполненный ситцами, бусами, серьгами, дратвой, позументами и разною мелочью, смѣло идетъ въ горы, не имѣя, у себя другаго товарища въ пути, кромѣ надежнаго гостепріимства абазеховъ. Трудно только добраться до первой сакли. Но если торговецъ счастливо избѣжалъ въ степи и въ горахъ встрѣчи съ тѣми, на чье гостепріимство онъ такъ надѣется, и постучался въ двери наѣздника, то смѣло можетъ быть увѣренъ въ цѣлости котомки, головы и кошелька. Тогда онъ пройдетъ спокойно изъ сакли въ саклю, имѣя всегда вѣрныхъ стражей и такъ же счастливо вернется во свояси, какъ и пришелъ. При этомъ должно замѣтить, что абазехъ при всей своей нищетѣ и соблазнѣ завладѣть хоть бы кускомъ позумента, на праздничную чуху, изъ котомки своего гостя, всегда откажется отъ подарка, если бы торговецъ изъ признательности предложилъ ему что-нибудь.... Откажется, потому что абазехъ не продаетъ своего гостепріимства.

Горцы не знаютъ преступленія выше преступленія убить или ограбить гостя странника и случаевъ такихъ едва ли нащитаешь одинъ въ цѣлой нагорной и приморской Абазіи.

На исходѣ Абазіи, къ границамъ закубанскихъ черкесовъ, въ прекрасной долинѣ, названія которой не упомню, между сплошною массою скалъ, и теперь еще видны остатки когда-то существовавшаго аула, славнаго и богатаго въ свое время.... Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ страшное дѣло свершилось въ этомъ ауле, какъ разсказываютъ сами абазехи. Страшное дѣло это заключалось въ томъ, что въ одну темную и непогодливую, осеннюю ночь, славный наѣздникъ Улій далъ ночлегъ заблудившемуся черкесу и въ ту же ночь ограбилъ и зарѣзалъ гостя.... Пораженные ужасомъ и позоромъ, сосѣдніе аулы абазеховъ, не ожидая справедливато мще-

нія закубанскихъ черкесовъ, сами наказали преступныхъ соплеменниковъ и за вину одного, выжгли весь аулъ, не выпустивъ изъ него живой души, и не оставивъ въ немъ камня на камня.

Съ тѣхъ поръ мѣсто, гдѣ свершилось убійство странника, носитъ названіе Позорнаго аула «Мяхылгачь-аулъ».

В. САВИНОВЪ.
